„Socialistitcheski Vestnik"
„Le Courrier Socialiste"
„Der Sozialistische Bote"

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии

Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 11 (415/416)
18-й г. издания

Подписная плата для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год 100 фр., за ½ г. — 50 фр., на ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год—6 долл., за ½ г —3 долл., за ¼ г. 1,50 долл.; для остальных стран: за год—150 фр., за ½ г.— 75 фр., за ¼ —40 фр. За перем. адр.—1 фр Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25
Chèques Postaux «Le Courrier Socialiste» — 359.84 Paris
Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

14 Июня 1938 г.

СОДЕРЖАНИЕ

В гитлеровском обозе

В № 101 «Голоса России», погромного листка семьи Солоневичей, помещен небезинтересный отчет о состоявшемся 18 мая в Берлине собрании образующегося ныне Общероссийского Зарубежного Национального го Фронта. «Фронт» этот, в состав которого вошли пока четыре наиболее черносотенных организации зарубежья (генерала Туркула, Меллера-Закомельского, дальневосточных фашистов и так наз. Крестьянского Национального Союза), ставит себе задачей об'единить эмиграцию, на «почве», которую, по словам одного из активных участников берлинского собрания, Ивана Солоневича, «можно с большей или меньшей степенью точности назвать фашизмом».

Надо признать, что «почва», поскольку речь идет о консервативном и реакционном крыле эмиграции, самая подходящая. Достаточно заглянуть в прессу этого крыла, во все эти «Часовые», «Голоса России», «Возрождения» и пр., чтобы убедиться, что «сила духа, правда идеи и красота подвига» (выражения Мельского, иначе — Меллера-Закомельского на берлинском собрании) убийц Маттеоти и поджигателей рейхстага вполне отвечает собственному духовному и культурному уровню этого крыла эмиграции, если только вообще можно употреблять эти выражения в применении к тому идейному убожеству и бескультурью, под знаменем которых экспроприированные помещики, капиталисты и князья церкви пытаются через своих ставленников в разных «организациях» и «литературных» предприятиях эксплуатировать и поставить себе на службу страдания и тоску по родине той рядовой эмигрантской массы, которую бури революции сорвали с старых социальных корней и разметали с родной почвы в изгнание по всем концам земного шара. Ведь все усилия этой хищной своры на том и сосредоточиваются, чтобы «предохранить» истерзанную страну «от иудейского дурмана, именуемого гуманитарностью и либерализмом» (слова того-же Мельского) и, сменив сталинский террор своим собственным террором, получить возможность диктаторски командовать над скованными трудящимися массами.

И все-же не в «духовной красоте» фашистского варварства его основная притягательная сила для патриотов своего отечества, каким, так сказать, по профессии полагается быть эксплуататорам и их «идеологам». Эта сила в том, что меч фашизма в Германии, Италии и союзной им Японии обращен, в первую голову, против этого самого отечества, а затем и против всех, в ком это отечество могло бы найти в минуту опасности помощь и защиту. Не столько к идеологии фашизма, сколько к его мечу аппелирует «национальная» и «патриотическая» российская эмиграция. И если берлинское собрание, как уже сказано, не лишено интереса, то именно потому, что оно, как нельзя более ярко, подчеркнуло эту аппеляцию. Оно показало, что именно Гитлер, наиболее непосредственно угрожающий России, а не фашизм вообще, становится предметом особой «любви и уважения» (все тот-же Мельский!) российской контр революции, и что Гитлер, без прямого разрешения которого, разумеется, берлинское собрание не могло бы состояться, со своей сто-

роны, согласен получать куски российского отечества не от сепаратистов всевозможного толка, на которых он до сих пор ставил свою «российскую» ставку, а от патентованных патриотов этого отечества.

К гитлеровской гавани причаливает, в конце концов, свой политический челн реакционная и контр - революционная российская эмиграция. Ее мечты о заговорах, восстаниях, народных движениях и пр., на гребне которых она расчитывала вновь подняться на верхушку российской социальной пирамиды, рассеялись, как дым. На свою собственную политическую работу она никаких надежд возлагать уже не может: по компетентному свидетельству И. Солоневича, «почти двадцатилетний опыт этой работы не дал почти никаких результатов или дал только отрицательные», а по не менее компетентному свидетельству его сына, ей не удалось заинтересовать в своей политической работе даже свою собственную молодежь. Но время не ждет. Ликвидация сталинского единодержавия идет быстрым темпом. Дабычу надо хватать: «теперь или очень скоро, может быть, никогда!». Нельзя в'ехать в дорогое отечество на собственных белых конях, — надо приткнуться к гитлеровскому обозу...

Но социальные силы, приходящие к господству в обозах иностранных армий, — это исторически обреченные силы; режимы, опирающиеся на штыки завоевателей, — недолговечные режимы. Не более полутора десятка лет смогла кое-как удержаться дворянски-монархическая реставрация Бурбонов, посаженная на трон армиями анти-французской коалиции. И, конечно, еще менее долговечной оказалась бы помещичье-капиталистическая реставрация, если бы ей удалось в'ехать в Советский Союз в гитлеровском или в соединенном германо - итало - японском обозе.

Если бы удалось... Но, чтобы удалось, надо еще, чтобы армии, в обозе которых размещаются исторически обреченные претенденты на наследство революции, одержали победу. Удастся-ли армиям соединенного фашизма одержать победу и над страной революции, и надъ союзными ей странами демократии, — это еще большой вопрос. Это во всяком случае вопрос, который еще раз напоминает всем социалистам и демократам, всем, кому дорога свобода и прогресс, что непримиримая борьба против фашизма, где бы он ни пускал корни, есть их общее кровное дело, есть в н у т р е н н е е дело трудящихся каждой страны в отдельности и всех их вместе...

П. ГАРВИ.

Патриотизм и диктатура

Тема «о любви к отечеству и о народной гордости» продолжает усиленно разрабатываться советской печатью и советской «общественностью». Вчера еще опальные понятия «родина», «народность», «национальная традиция» все более настойчиво вводятся в идеологический обиход широчайших кругов населения. Все чаще и планомернее для нужд патриотической пропаганды привлекается история, эта «политика, опрокинутая в прошлое», по меткому определению посмертно разжалованного советского историографа, проф. Покровского. Власть пользуется каждой хронологической датой из русской истории, каждой памятной годовщиной, каждым юбилеем в области литературы, искусства и науки, чтобы утвердить советский патриотизм в твердом грунте национальных традиций.

Совсем недавно для очередного урока наглядного обучения народа патриотизму был использован 750-летний юбилей величайшего художественного памятника древне-русской письменности, «Слова о полку Игореве». И можно только приветствовать приобщение широчайших народных масс Советского Союза к культурным ценностям, в которых кроются глубочайшие корни современной русской культуры. Но «Слово о полку Игореве» не только памятник художественной литературы, но и политический памфлет, пропитанный острым чувством патриотической тревоги. И это выделяет юбилей «Слова» из ряда других культурных юбилеев.

Проф. Ключевский считает коренным, самым глубоким фактом времени, которое художественно отражено в «Слове», пробуждение во всем обществе мысли о русской земле, как о чем-то цельном, как об общем земском деле: «киевлянин все чаще думал о черниговце, а черниговец о новгородце и все вместе о Русской земле». Идея единства русской земли, пронизывающая собою «Слово», родилась среди безурядицы и усобиц удельщины, как реакция на опустошительные набеги степных кочевников — печенегов, половцев, позднее татар. «Русская земля, — пишет Ключевский, — механически сцепленная первыми киевскими князьями из разнородных этнографических элементов в одно политическое целое, теперь, теряя эту политическую цельность, впервые начала чувствовать себя цельным народным или земским составом». Но это было только далекое начало долгого исторического процесса становления нации. В «Слове», — отмечает Ключевский, — как и в летописях того времени, «везде Р у с с к а я з е м л я, и нигде, ни в одном памятнике, не встретим выражения р у с с к и й н а р о д: пробуждавшееся чувство народного единства цеплялось еще за т е р р и т о р и а л ь н ы е пределы земли, а не за н а ц и о н а л ь н ы е особенности народа» *).

Русская революция, как и всякая большая революция, была процессом становления нации. Уже во время мировой войны больно сказалась безродинность народа: «мы калужские...» Безродинность народа была функцией безнародности власти. В революции, который смел царизм, народы России впервые обретали «земское» отечество.

«Русская земля», о которой печалился и тревожился неизвестный автор «Слова о полку Игореве», стала 750 лет спустя Советским Союзом, охватывающим шестую часть света. Новый, советский, всесоюзный патриотизм, пытающийся «цепляться» не только за территориальные пределы необ'ятной страны, но и за национальные особенности населяющих ее народов, и прежде всего — великорусского племени, создавшего русское государство, жадно ищет корней в прошлом.

И вот по случаю юбилея «Слова о полку Игореве» в «Правде» с гордостью подчеркивается, что «русская государственность имеет за собой тысячелетнее развитие» и что «традиции героической и беззаветной борьбы за родину восходят к нашему древнейшему прошлому». Для «Известий» юбилей «Слова о полку Игореве» волнующий и радостный праздник прежде всего потому, что опровергает клевету фашистских писак на русское

---

*) Проф. В. Ключевский. Курс русской истории. Москва 1925, т. I, стр. 248-250.

прошлое, как якобы лишенное больших культурных ценностей: «Подобно творениям древних греков*) «Слово о полку Игореве» свежо, юно и волнует нас, потому что родилось в эпоху прекрасного и неповторимого детства великого русского народа». Но Слово» свежо и юно не только как памятник древне-русской культуры, но и как «самый святой завет», как «глубоко созвучный нам, советским людям, призыв постоять за русскую землю, за ее счастье и величие ее исторических судеб». В этой чудесной героической поэме «воплощена сила политического и национального самосознания русского народа», выражены «лучшие черты его национального гения — свободолюбивый дух, неустрашимое мужество, благородство и храбрость, священная ненависть к врагу» *). Именно благодаря этим чертам национального русского гения, подчеркивают «Известия», русские князья и их дружинники выполнили в XII веке не только национально - патриотическую миссию защиты земли русской, но и европейскую миссию, «принимая на себя все удары кочевников и тем самым предохранив Западную Европу от опустошительных набегов степных орд».

Мораль для нашего времени ясна, принимая во внимание общее международное положение и особенное положение Советского Союза, угрожаемого с двух сторон нашествием современных половцев и печенегов.

Все это так. Все это неоспоримо. Но все это плохо вяжется со вчерашним днем большевизма и бросает особенный свет на его сегодняшний и, особенно, завтрашний день.

«Октябрь» представлялся сознанию его делателей, как разрыв исторической преемственности и национальной традиции. Большевистская революция ставила себе планетарные задачи. Она смотрела на себя лишь как на первый этап мировой социальной революции. Социально-революционный интернационализм или даже космополитизм был «внутренне присущ» большевистской идеологии. В порыве национального самоотречения неофит большевизма, Максим Горький, писал в своем известном акафисте Ленину ,что русский народ, пожалуй, на то только и пригоден, чтобы послужить удобрением для мировой социальной революции. Запоздалым отголоском этих настроений был рифмованный пасквиль Демьяна Бедного на былинных богатырей, олицетворявших героическое прошлое русского народа.

Но уже в период гражданской войны и интервенции и под их непосредственным влиянием появились первые признаки национально государственного перерождения или самоопределения большевизма. В борьбе с белыми армиями и интервентами, а в особенности во время войны с Польшей, большевистская пропаганда умышленно развязывала стихию националистических страстей. Во время нэпа еще стыдливо, но все явственнее звучали ноты национально государственного эгоизма, как во внешней политике большевиков, так и в политике Коминтерна, особенно, на Ближнем и на Дальнем Востоке. Но все эти признаки линяния большевизма сходили за тактические маневры в интересах самоутверждения Советской России и выполнения ею ее мироосвободительной миссии.

Настоящее рождение национал большевизма имело место позже — в эпоху Сталина. «Построение социализма в одной стране» было выражением этой тенденции отката от «мирового Октября». Переключение оффициального большевизма с интернационалистских установок на национально государственные совершалось медленно, но неуклонно.

Этот процесс носил двусторонний характер. Развитие советского национализма стимулировалось в немалой степени, с одной стороны, автаркическим характером генеральной линии, долженствовавшей осуществить военно - хозяйственную экипировку Советской России, как великой державы, а с другой, потребностями массово - психологической подготовки населения к отражению военной опасности на Западе и на Востоке. Но стихия национализма не только развязывалась сверху, она самопроизвольно возникала и напирала снизу.

Культ родины, насаждаемый сверху, в неразрывном сплетении с культом единодержавного вождя, «отца народов», отвечает идеологическим запросам новых социальных верхов. В таком виде советский патриотизм, все больше заглушающий традиционную классово-пролетарскую идеологию и фразеологию диктатуры, становится тем политико психологическим цементом, который легче всего может связать правящее сословие советских служилых людей с головкой переродившейся партийной диктатуры, с одной стороны, с распыленной толщей трудящегося населения, из которой оно вышло, с другой. Новую идейную и эмоциональную основу для своего самоутверждения ищут и находят в культе родины и народности все те «беспартийные большевики» и выхолощенные партийцы, которые тяготятся традицией перманентной революции и хотят — со Сталиным или против него — закончить революцию и закрепить «навечно» свои достижения в ней.

Но и для Сталина, своей политикой толкнувшего исторически засидевшуюся диктатуру на путь фашистско-бонапартистского вырождения, культ родины означает эмансипацию от формально правящей партии и одновременно установление непосредственной эмоциональной связи обоготворенного «вождя», как носителя национальных традиций и идеи государственного единства с широчайшими народными массами.

* * *

Поиски исторических предков имеют симптоматическое значение: «скажи мне, кого и что ты ищешь в истории, и я скажу, чего ты хочешь».

Деятели великой французской революции искали политических «предков» не в самой Франции, а в античных республиках Греции и Рима. Первоначальный большевизм, открывая «новую эру в истории человечества», искал предшественников в восстании лионских ткачей, в чартизме, в парижской Коммуне, в I-ом Интернационале: В русской истории, если отвлечься от сравнительно близких к нам движений декабристов и народовольцев, большевистские поиски «предков» приводили к возвеличению Булавина, Разина и Пугачева, т. е. бунтарей и разрушителей старой русской государственности.

Теперь поиски исторических предков приводят к возвеличению Владимира Святого, Димитрия Донского, Александра Невского, Ивана Калиты, Петра Великого — венценосных строителей и устроителей русского государства и позже российской империи, созданной путем войн, захватов и колонизации. Прежде Сталин, еще только дорываясь до власти, жаждал замкнуть своей персоной ряд теоретиков международного социализма: Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин. Теперь он хочет вести

---

*) В той же статье «Известий» (от 26 мая) к творцам героического эпоса кощунственно причислен... Джамбуль, награжденный как раз орденом Ленина за свою рифмованную лесть Сталину в духе восточного раболепия. Этот Гомер Сталина пишет: «Сталин солнце мое, я понял в Москве» и т. п.

**) Во всех юбилейных статьях чувствуется патриотический заказ — противоставить японскому образу беззаветного самурая вдохновляющий образ русского воина-дружинника, верного слуги своего князя и храброго защитника земли русской.

свою политическую родословную от Владимира Мономаха, от Александра Невского, от Петра Великого.

В выборе этих исторических предков сказывается не только политический вкус диктатора, но и политический расчет. В кричащем «черезчуре» сталинского патриотизма и национализма явственно проступает и элемент конкуренции с фашизмом, стихией которого является гипертрофированный национализм. Не случайно и национал социализм занялся переработкой германских учебников истории на потребу диктатуры Гитлера, как в прошлом году «партия и правительство» Советского Союза были заняты переработкой учебников русской истории на потребу диктатуры Сталина.

Надо признать, что задача Гитлера более простая. Ему не приходится напяливать на свой национализм интернационалистский плащ. Его национализм имеет расовую основу: «один народ, один рейх, один вождь». Трудности начнутся для Гитлера лишь после осуществления его завоевательных планов; но и тогда они будут разрешены в духе насильственного господства «высшей расы».

Положение Сталина много труднее. Советский Союз многонародное государство, «механически сцепленное» русскими царями. Новая советская конституция лишь формально разрешила проблему сожительства 11-ти союзных республик и множества автономных национальных республик и областей. Удастся-ли создать из всех народов и племен СССР единую советскую нацию, хотя бы в смысле американской нации?

Это было бы возможно только в рамках подлинной демократии. В обстановке же диктатуры центробежные силы не могут не расти неудержимо, угрожая, в случае нашествия новых половцев и печенегов, самому существованию Союза.

По примеру римских цезарей, свозивших в Капитолий богов всех покоренных ими народов, Сталин пытается устроить в Москве Пантеон всех национальных культур Советского Союза: декады азербейджанского, грузинского, украинского искусства чередуются с юбилейными чествованиями национальных Илиад («Слово о полку Игореве», «Всадник в барсовой шкуре», киргизский эпос «Монас» и т. п.). Но все эти попытки носят искусственный и поверхностный характер, поскольку демократическая скрепа свободного сожительства народов заменена на деле железным обручем террористической диктатуры.

Вот почему переход диктатуры на рельсы национализма приводит к раздуванию великорусского шовинизма. Это только в рифмованных передовицах *) все гладко получается:

«Я — русскій человек, и счастлив потому я,
«Что десять есть сестер у матери моей».

На деле «Россия, Русь» — особая статья. Ей отведена ведущая роль, если не по конституции, то в жизни:

«И это потому, что слово «русский» стало
«Навеки близким слову «большевик»,
«Что ты ведешь дружину молодую
«Республик — Октября могучих дочерей».

Поскольку эта ведущая роль «Руси» основывается на беспощадной большевистской централизации, проводимой Сталиным через «единый и нераздельный» партийный и военно полицейский аппарат, а не на демократическом сожительстве народов Союза, патриотический пафос диктатуры будет отдавать знакомым запахом квасного патриотизма, весьма далеким от подлинного, народного, «земского» патриотизма, которым проникнуто «Слово о полку Игореве».

---

*) Виктор Гусев: «Я — русский человек» в «Правде» от 18 мая.

В. АЛЕКСАНДРОВА.

Потерянная и возвращенная родина

Среди писателей, выдвинувшихся в последнее время в первые ряды, самым значительным является **Алексей Толстой.** Карьера Толстого, аристократа по происхождению и воспитанию, бывшего «белого» эмигранта, ныне избранного в Верховный Совет, многим — на Западе и в Советском Союзе — кажется ошеломляющей. Кое-что в литературно-политической биографии Толстого оправдывает это изумление. Толстого не только не любят «братья-писатели», которым он остался социально чужд, но у него до недавнего времени не было и своего, преданного ему читателя. А между тем Толстой, не в пример другим советским писателям, много думал и думает о читателе: «Художник заряжен лишь однополой силой. Для потока творчества нужен второй полюс, — внимatель, сопереживатель: круг читателей, класс, народ, человечество», — писал он в предисловии к «Черной пятнице» (1924 г.), признаваясь, что «читатель, как некое общее существо, постигаемое моим воображением, опытом и знанием, возникает одновременно с темой моего произведения».

Отсутствие до недавнего времени своего читателя у Толстого имеет свои причины. Толстой начал свой литературный путь, как писатель умирающей дворянской усадьбы. Революция не только разнесла в щепы его усадьбы, срубила «старые липы», она развеяла по миру и героев Толстого. Сначала Толстой поехал было с ними, но здесь ждало его жестокое разочарование.

Очень рано за Толстым упрочилась репутация, что он сочный писатель-бытовик. Между тем, наряду с бытовизмом в Толстом всегда жил **вкус к идеологизированию.** И нет ничего более ошибочного, как видеть в нем только писателя-бытовика. Этот вкус к «большим началам» проснулся в нем еще до революции. В рассказе «Обыкновенный человек» (в сборнике «Дни войны») офицер подслушивает ночной разговор солдат-крестьян в окопах: «Так говорят мужики в особые и важные минуты: негромко, сурово, покачивая головой». Солдат Аникин раз'ясняет молодым парням скрытый смысл мировой войны: «А ты вот, парень, пойми — народ у нас сила? Так? А все дураки: **сами себя растеряли.** Спроси: где живешь? — В России. — А какая она Россия? — Не знаю. — Одну деревню свою знаешь, да батю с мамкой. Вот бог немца и замутил: «навались, да навались, — они сами себя не понимают». Ведь это, парень не шутка, **на все государство** он посягнул — немец. Вот нас то и прояснило от этого». Аникин выражает здесь затаенную мысль самого Толстого, что будет «польза» от мировой войны: в огне и крови мирового пожарища произойдет **возрождение русского национального государства.** Человеческий матерьял для этого нового национального сцепления виделся Толстому в огромных резервах обыкновенных, незаметных русских людей, затираемых чиновниками, дельцами, всякой накипью бюрократического царского режима.

Надежды на то, что война принесет освобождение от мертвой хватки старого, пережившего себя режима, рухнули у Толстого в момент Октябрьской революции. Недаром в уста одного из своих любимых героев, офицера Рощина («Хождение по мукам») он вкладывает монолог отчаяния: **«Родины у нас с вами больше нет,** есть место, где была наша родина». — «Великая Россия перестала существовать с той минуты, когда народ бросил оружие... **Великая Россия теперь — на-**

воз под пашню... все надо — заново: войско, государство, душу надо другую втиснуть в нас. Русского народа нет, есть жители, да такие вот дураки — и Рощин глухо, собачьим, грудным голосом заплакал».

Так как «великая Россия» стала «навозом под пашню», Толстой, верно отражая чувства бессилия перед революцией старых господствующих классов, пытается отойти в сторону, уйти в проповедь личной жизни. Но одновременно вкус к большим концепциям заставляет его искать причин, обусловивших всю эту катастрофу русского государства. Эту причину всех причин он и находит в Петре Великом. Так возникает повесть «День Петра» — первый вариант его будущего большого полотна «Петр I».

«Строился царский город на краю земли, в болотах, у самой неметчины. Кому он был нужен, для какой муки, еще новой, надо было обливаться потом и кровью и гибнуть тысячами, — народ не знал». Смельчаков, вопрошавших об этом или недовольных разорительными Петровскими поборами, тащили в Тайную канцелярию, пытали, казнили. «Царь Петр, сидя на пустошах и болотах одной своей страшной волей укреплял государство, перестраивал землю... Повсюду сновали комиссары, фискалы, доносчики, летели с грохотом по дорогам телеги с колодниками, робостью и ужасом охвачено было все государство». Вдумываясь в грандиозные затеи царя, Толстой вместе с современниками Петра испуганным шопотом спрашивал: «Да полно — хотел-ли добра России царь Петр?» На этот основной вопрос он в первом варианте отвечал так: суб'ективно Петр, конечно, хотел «добра» России, «Но все-же случилось не то, чего хотел гордый Петр: Россия не вышла, нарядная и сильная, в семью великих держав. А, подтянутая им за волосы, окровавленная и обезумевшая от ужаса и отчаяния, предстала новым родственникам в жалком и неравном виде — **рабою.** И сколько бы ни гремели грозно русские пушки, повелось, что рабской и униженной была перед всем миром великая страна, раскинувшаяся от Вислы до Китайской стены».

Матерьял, собранный Толстым в эмиграции о живых представителях «великой России», был уничтожающ. Но к моменту своего возвращения в Советскую Россию Толстой был еще далек от мысли, что советской власти удастся осуществить его заветную мечту — **возродить русское национальное государство.** Толстой ехал только заряженный энергией отрицания и отталкивания от эмиграции, где он не нашел сил, способных одолеть революцию. Вернувшись домой и еще не отваживаясь на большие полотна, он стал терпеливо собирать знакомые черточки в непонятном новом. Результаты этой большой рекогнoсцировочной работы вкраплены в фатастические романы «Аэлита», «Гиперболоид инженера Гарина» и др., и только эти черточки и представляют интерес в них. С радостным и теплым изумлением набрасывает писатель образ красноармейца Гусева, смесь отважного ушкуйника и домовитого мужичка, который попав на Марс, загорается желанием «оттяпать Марс», присоединив его к Советской республике. За новыми словами Гусева писатель увидел в нем знакомые черты старого русского вояки, немного враля, но умного, преданного и храброго. Неплох и Шельга — тип «своего», русского сыщика, который готов нос утереть всем Пинкертонам, хорош и Ванюша Гусев, мечтающий в роскошной обстановке Золотого острова о «ситничке», об окраине Ленинграда, где «все свое, народ русский».

Процесс освоения Толстым новой России шел во время нэпа в фарватере «сменовеховства» и **советофильства,** характерного для значительного круга старой интеллигенции, пошедшей работать с советской властью. Но окончательное приятие новой России возникло в писателе лишь в годы первой пятилетки.

Это был очень критический момент в литературно-политической биографии Толстого, когда часть беспартийной и спецовской интеллигенции отшатнулась от «второго наступления Октября, и писатель стоял под угрозой потерять своих читателей. Но он не побоялся этой перспективы. Один из первых среди советских писателей он в новом терроре, которым ознаменовалась пятилетка, учуял не страшную его сердцу бурю анархии и разрушения, а мощный ветер созидания. Один из первых понял он шестым чувством, что в ужасающих условиях происходит **индустриальная оснастка государственного корабля,** которая неминуемо должна дать толчок для развития **центростремительных сил национального сцепления.** Это свое внутреннее ощущение смысла происходящего он и воплотил в романе «Петр I», произведя коренную ревизию в оценке его дела.

Толстой с самого начала не скрывал, что роман его задуман отнюдь не как историческое произведение. На одной из литературных конференций с рабкорами в 1932 году он сам рассказал, что идея романа возникла в нем под влиянием «нашего гигантского строительства», на которое ему захотелось откликнуться, как художнику, внести в него свою «лепту». И Толстой прав, считая своего Петра — лептой в строительство пятилетки. При всем тщательном обращении Толстого с историческим матерьялом, при всей кропотливости в воссоздании исторической обстановки — с первой страницы, описывающей утро крепостного Ивашки Бровкина и до последней, повествующей о закладке города Питербурха — читателя не покидает чувство, что он дышит раскаленным воздухом своей современности.

Три обстоятельства делают роман «Петр I» понятным современникам. Толстой первый из русских писателей смог взглянуть на эпоху Петра сквозь призму пережитой им революции и через нее он увидел в «реформе Кукуйского кутилки» **первую национальную революцию,** осуществленную венценосным якобинцем, «первым русским большевиком».

Второй чертой, сближающей столь удаленную от нас эпоху с современностью, является совпадение в методах осуществления строительства. Сравнение строительства пятилетки с эпохой Петра носилось в воздухе этих лет и многие писатели (Леонов, Слетов, Макаров) прибегали к этому сравнению, вкладывая его в уста **беспартийных спецов** (получивших позже титул «непартийных большевиков»). Но в те годы это сравнение считалось зазорным, в критике господствовал «ультра-левый» курс, и представители этой критики говорили смельчакам: как можно проводить такие параллели, ведь Петр всего на всего вводил у нас торговый капитализм, а мы осуществляем социализм. И писатели сконфуженно умолкали, стараясь это сравнение упрятать куда-нибудь подальше, приписать его беспартийным и «чуждым элементам». Толстой рискнул развернуть сравнение и вышел победителем.

Когда писатель впервые набросал образ царя-плотника в повести «День Петра», он, не умаляя грандиозности замыслов царя, как бы говорил читателю, что Петровские методы и явились причиной того, что Россия осталась **«рабою».** Эта оценка совпадала с оценкой лучшего историка Петровской эпохи Ключевского: «Реформа Петра, — писал Ключевский, — была революцией не по своим целям и результатам, а только по своим приемам и по впечатлению, какое произвела на умы и нервы современников... Реформа Петра была борьбой деспотизма с народом, его косностью. Петр надеялся грозою власти вызвать самодеятельность в порабощенном обществе и через рабовладельческое дворянство водворить в России европейскую науку, народное просвещение... Но совместное действие деспотизма и свободы, просвещения и рабства — это политическая квадратура круга, загадка, разрешающаяся у нас со времени Петра и доселе неразрешенная».

Во втором варианте Петра Толстой круто меняет свою исходную точку зрения. Всюду, где речь идет о мрачных сторонах деятельности Петра, он вкрапливает бодрые нотки в стиле современных писаний о «наших достижениях». Раньше Толстой понимал, что насилия породили в стране огромное «пассивное сопротивление»; сейчас, рассказывая об ужасах, об условиях труда на Петровских фабриках, он не сочувствует жертвам Петра, потому что боится, что это сочувствие пойдет на пользу спесивого боярства! Но особенно симптоматична эволюция Толстого в его отношении к «птенцам Петровым», к фаворитам, временщикам, к тем «бездомным, расторопным, кто хотел перемен». Талант художника и интимное знание современника другой, большой революции помогают Толстому с непревзойденным мастерством проникнуть в самые заповедные тайники социальной психологии **выдвиженцев революционных.** Вот она, Санька Бровкина, вчера безвестная крепостная, возившая навоз, сегодня придворная дама. Муж ее жалуется, что совсем от рук отбилась Санька, даже спать стали врозь, ей бы утихомириться, затяжелеть, а она «гисторию Самуила Пуффендорфия» по ночам читает, «политессу» обучается и все еще полна неуемных желаний. Вот она, плеяда возвеличенных Петром «торговых людей», «становая жила», на которую он уперся —

все эти Баженины, Демидовы, Свешниковы, готовые за честь быть упомянутыми в царском указе по **имени и отчеству,** отвалить Петру большие куши. Толстой вовсе не утаивает пороков этих людей, их жадности, эгоизма, презрения к слабым. Но он искренно любуется ими, как бы говоря: Слов нет, шельмы, бестии продувные, да разве без них смог бы Петр сдвинуть с места эту «заклятую страну», разве смог бы без них справиться с боярской спесивой плесенью?

Одним большим ударом прорубил Толстой окно в сердца читателей, всех тех, кто за годы пятилетки выдвинулся из общественного небытия на поверхность и страстно хочет жить хорошо. «Петр I» стал настольной книгой **выдвиженцев пятилетки,** социальный оптимизм которых перекликается с оптимизмом выдвиженцев Петра. Но до недавнего времени эти выдвиженцы чувствовали себя одинокими и затерянными в обширных хоромах истории российского государства. Толстой взял их за руку , повел по этим хоромам, широким жестом указав место: не робейте, у вас есть предшественники, как они для своего времени были прогрессивны, так прогрессивны и вы для нашей эпохи!

Чем художественней произведение, тем глубже его воспитательное значение. Смысл романа Толстого заключается в том, что он Петром оправдывает Сталина. Но даже в отношении Петровской эпохи представляется спорным, была ли во всем исторически - прогрессивна Петровская политика жестокого безоглядного насилия сверху и, может быть, прав Ключевский, подчеркнувший, что одним из последствий Петровской ломки была лихорадка дворцовых переворотов, почти в течение века сотрясавшая Россию. Но если Петровская железная хватка сыграла гигантскую положительную роль на заре 18-го века, когда Россия еще глубоко коснела в варварстве русского средневековья, то те же «методы» в России 20-го века, после революции, пробудившей жажду социального и культурного творчества в широчайших слоях 150-миллионного народа, глубочайшим образом противоречат и интересам трудящихся масс Советского Союза и интересам культурного, социального и политического прогресса страны. Этого, конечно, Толстой не хочет видеть. Старый барин, пронесший с достоинством — в этом надо отдать ему справедливость — свое барство через самую глубокую социальную революцию, он берет теперь реванш за годы унижения, когда слово принадлежало массам, а он вынужден был молчать... Как его далекий предок, граф Толстой, вначале поддерживавший стрельцов, потом всю жизнь замаливал свою ошибку сугубой преданностью Петру, так и писатель Толстой искупает сейчас свой грех перед якобинской диктатурой в славословии Сталину и его политике завершения революции.

Р. АБРАМОВИЧ.

НЕ УСТУПКИ, А БОРЬБА

Помещаемые в этом номере «С. В.» резолюции Брюссельского заседания Исполкома Рабочего Социалистического Интернационала являются новым свидетельством той определенной и четкой линии, которую Соц. Интернационал занял за последнее время в области внешней политики международного пролетариата. Эпоха колебаний и шатаний, следы которой до сих пор еще заметны в некоторых социалистических партиях, и которая нашла свое отражение даже еще на руаянском с'езде французской партии, для Интернационала, как такового, окончательно ликвидирована. Уже мартовское об'единенное заседание Соц. Интернационала и Международной Федерации Профсоюзов заняло совершенно категорическую и недвусмысленную позицию в вопросе о мерах против военной опасности. Брюссельское заседание пошло еще дальше в том же направлении.

«Никаких уступок фашизму!», — таков был основной смысл всех выступлений на Брюссельском заседании. Опасность войны, которую несет международный фашизм, олицетворяемый «осью Рим-Берлин», может быть предотвращена не дальнейшими уступками тоталитарным диктаторам, а лишь энергичным отпором всех демократических государств, об'единившихся в прочный политический и военный блок под руководством Англии, Франции и, если возможно, России. Если до чехословацких событий конца мая это утверждение являлось теоретическим умозаключением, жизненность которой еще надо было доказать, то после событий 22-23 мая на историческом эксперименте с неоспоримостью установлено, что несгибаемая воля к борьбе чешского народа в сочетании с твердой позицией, занятой Францией, Россией и Англией, задержали занесенный уже над Чехословакией гитлеровский меч и предотвратили казавшуюся уже неминуемой и непредотвратимой гибель последнего оплота демократии в Центральной Европе.

На примере Чехословакии было воочию доказано, что тактика, которую отстаивали с самого начала известные элементы Интернационала, является не отвлеченной конструкцией, а вполне реалистической политикой, — мало того: е д и н с т в е н н о й подлинно реалистической политикой в данной мировой ситуации. И потому чехословацкий «эксперимент» войдет в историю как отправная точка, как переломный этап в развитии европейской и мировой политики.

Особенно важным и значительным моментом в этом развитии является обозначившийся сдвиг в политике Англии. Англия до сих пор была, да и в значительной степени остается еще и по сей день, наиболее слабым звеном в той цепи, которую необходимо сковать, для того чтобы преградить путь наступлению фашистского блока. Политика британских консерваторов, основанная на полном непонимании сущности гитлеризма и фашизма, продиктованная отчасти невольной, отчасти вольной и сознательной слепотой по отношению к тоталитарным диктатурам, подсказанная своекорыстными и узколобыми буржуазно - капиталистическими интересами, симпатиями и антипатиями, — это стремление к «соглашению» с тоталитарными «абсолютами», которые по своему существу никогда не могут удовлетвориться полууступками и компромиссами, это псевдо-реалистическое, а на деле совершенно утопическое стремление уступками и поблажками «обезоружить» диктаторов и «вбить клин» между Берлином и Римом, — вся эта чемберленовская политика едва не привела Европу на край гибели. Только энергичному воздействию Лэйбор Партии, поведшей мужественную и неустанную борьбу против чемберленовской политики предательства британской и европейской демократии, мир обязан тем, что в критические дни 21-23 мая чашка весов британской политики медленно, с колебаниями, но все же склонилась в определенную сторону. Можно сказать, что действительным героем майских событий явился английский пролетариат во главе со своей партией. Это определило, между прочим, и тот авторитет, которым Лэйбор-Партия пользуется сейчас в лоне Интернационала, и то внимание, с которым Исполком отнесся ко всем пожеланиям английских представителей, наложившим свой отпечаток на принятую резолюцию: целый ряд оговорок, которые содержатся в этой резолюции, несомненно продиктованы желанием как можно

более облегчить нашим английским товарищам их борьбу за общую линию Интернационала в особых условиях английской политической жизни и английской общественной психологии.

Но эти оговорки (об уступках, которые чехословацкое правительство сделать должно справедливым и законным требованием национальных меньшинств; о необходимости скорейшего созыва Совета Лиги Наций и т. п.) ни в какой мере, однако, не затемняют и не изменяют основной, совершенно ясной и ярко выраженной линии общей политики Соц. Интернационала.

Впрочем, одна из этих оговорок — о созыве Совета Лиги Наций — имеет значение не только для Англии: она включает в значительной степени проблему так наз. нейтральных государств. В грядущей войне, если человечеству не удастся избежать этой ужасной катастрофы, действительно нейтральных государств по самому существу дела не окажется. Война эта будет войной на истребление, и стремление к победе во что бы то ни стало заставит — во всех странах — отступить на задний план все прочие, даже политические соображения. Одни страны подвергнутся участи Бельгии, другие будут насильно превращены в поставщиков военных материалов, сырья, продовольствия. Блокада, которая в прошлой мировой войне была об'явлена Антантой Германии только на 4-ый год войны, будет на этот раз без всякого сомнения прокламирована уже в первые часы военных действий. И эта блокада несомненно распространится и на те «нейтральные государства», которые фактически будут играть роль поставщиков Германии или других государств враждебной коалиции. Но эти нейтральные государства не всегда маленькие и слабые. Помимо того, даже слабые и маленькие порознь, они могут представить собой весьма внушительную силу, если их об'единить вокругъ больших и сильных государств. И тут для так наз. нейтральных государств могут сыграть роль не только геополитические соображения, но и государственно - правовые, в частности обязательства, вытекающие для стран, входящих в Лигу Наций, из ковенанта Лиги. Ведь если Совет Лиги Наций формально об'явит какое-либо государство агрессором, то все члены Лиги Наций без исключения обязаны будут применить к агрессору предписанные экономические, финансовые и даже военные санкции. Естественно, поэтому, что не только для правительств, но главным образом для общественного мнения нейтральных стран чрезвычайно существенную роль может сыграть та юридическая процедура, которая связана с установлением агрессии на торжественном заседании Совета Лиги Наций. Роль этого юридического момента будет тем крупнее, чем отчетливее за юридическими конструкциями будет вырисовываться контур военного и морского могущества, для целого ряда северных нейтральных государств воплощаемого военным флотом Великобритании...

Но Исполком РСИ остановился не только на проблеме нейтральных стран. Чрезвычайно крупную, может быть, даже решающую роль в мировой политике ближайшей эпохи будет играть вопрос о «неделимом мире», точнее вопрос о том, можно-ли вопрос о мире в Западной Европе отделить от вопроса о мире или войне на Востоке Европы; или еще точнее: могут-ли государства Запада — Англия, Франция — попытаться купить мир для себя тем, что они предоставят Германии и всему фашистскому блоку «свободные руки» на Востоке, в Советской России?!

Незачем скрывать от себя, что подобного рода течения имеются, и в достаточно сильных проявлениях, в общественном мнении западных стран. «Священный эгоизм», который заставляет Францию и Англию проводить политику невмешательства в Испании, который заставляет «нейтральные страны» или широкие слои населения в Соед. Штатах искать прибежища отъ грядущей войны за фасадом лже-пацифистского «изоляционизма», — подсказывает и правящим сферам Запада политику «незаинтересованности» в Сов. Союзе... Но если Рабочей Партии, вкупе с представлениями Франции удалось, на сей раз, в последнюю минуту, побудить английских консерваторов занять более активную и решительную политику в защите Чехословакии от гитлеровского нападения, то можно-ли быть уверенным в том, что Англия, в частности, займет аналогичную позицию, если в порядок дня будет поставлен вопрос о Сов. России, если последняя окажется «линией наименьшего сопротивления» для империализма Третьего Рейха? Захотят-ли народные массы Англии и даже Франции рисковать всеми ужасами войны и пожертвовать миллионами жизней, для того чтобы помещать Гитлеру наложить руку на Донецкий бассейн или другие естественные богатства Советского Союза? Удастся-ли убедить Запад, что «мир неделим»?

Вот вопрос, который был поставлен в Исполкоме, прежде всего — по инициативе нашей партии. Еще несколько лет тому назад проблема Советского Союза стояла перед международным пролетариатом лишь в аспекте пролетарского единства, говоря более обще — как внутренняя проблема рабочего класса. Роковое развитие сталинской диктатуры, чудовищное вырождение «социализма в одной стране» в режим неслыханного подавления и зверства, сопровождаемого гигантской экономической и общественной разрухой, фактически сняли с порядка дня мирового пролетариата проблему единства: нужно ли еще доказывать это после дебатов и решений, имевших место в Осло? Тем не менее, проблема Советского Союза и взаимоотношений с ним продолжает стоять перед народами Запада, перед европейской демократией, перед рабочим классом, заинтересованным в спасении мира, как проблема мировой политики, как один из самых опасных очагов военной опасности. Что̀ бы ни думать о внутренних тенденциях развития Советской России, как бы ни оценивать идеологические и психологические сдвиги сталинской диктатуры, — факт тот, что геополитически и реально острие германского империализма и японской агрессии направлены против российского государства. И геополитически-же это государство вынуждено, для своего спасения, искать сближения со странами так наз. демократического блока. Имеется об'ективная, независимая от режима и идеологии, общность интересов между народами Запада и Россией, Советской или иной. Как бы сурово ни осуждать и клеймить тактику Коминтерна и других советских агентов по отношению к Китаю, Испании, Чехословакии, в вопросах внутренней политики этих стран, — факт, однако, тот, что во всех этих международных конфликтах, вызванных агрессией фашистского блока, Советская Россия, в конечном счете, всегда оказывалась в лагере анти-фашистских государств. Это об'ективное историческое обстоятельство необходимо учесть в международной политике социалистического пролетариата, направленной на создание прочного и твердого анти-фашистского блока. И Брюссельский Исполком учел это в своих постановлениях.

Блок государств под руководством Англии, Франции и России — вот фактическая цель РСИ.

Передышка в Чехословакии может оказаться очень короткой. Каждый день могут вспыхнуть новые очаги военной опасности в насыщенной грозовым электричеством атмосфере. Международный социализм должен, поэтому, проявить максимальную энергию и бдительность. И решительней, чем когда-либо раньше, выдви-

нуть как боевой лозунг принцип коллективной безопасности, т. е. круговой поруки всех анти-фашистских или не-фашистских государств для совместного отражения фашистской агрессии. Это единственная политика, которая способна в настоящих условиях, может быть, еще предотвратить войну. Это, во всяком случае, единственный способ свести к минимуму опасность войны.

Чтобы избежать войны — надо взять на себя риск войны, — так сформулировал мировое положение на Руаянском с'езде такой осторожный и фанатически преданный делу мира политики как Леон Блюм. Еще с большей решительностью и определенностью эту политику сформулировал в своих решениях Брюссельский Исполком, об'явивший долгом всех сторонников мира и противников войны рассматривать дело мира и безопасности как единство, нераздельное и неделимое — и вменивший, поэтому, всем партиям в обязанность защиту и Чехословацкой республики, и испанской революции и подвергшегося японскому нападению Китая, не идя ни на какие компромиссы!

Не уступки, а борьба!

Советские профсоюзы и МФПС

М. КЕФАЛИ.

Победа здравого смысла

Можно было понять и об'яснить, почему Лондонский Конгресс Международной Федерации Профсоюзов, в 1936 г., по предложению норвежцев, постановил вступить в переговоры с центром Советских Профсоюзов на предмет включения последних в МФПС. То был момент, когда многим деятелям рабочего и социалистического движения, гораздо более искушенным в понимании сталинских маневров, чем с'ехавшиеся в Лондон представители Профсоюзов, не без основания казалось, что Москва впрямь «всерьез и надолго» покончила с прежней линией Коминтерна, что возвещенная тогда Сталиным новая советская конституция означает всамделишный переход к демократизирующейся внутренней политике и что таким образом создаются политические предпосылки и для перестройки русских профсоюзов, постепенного превращения их в относительно свободные организации продавцов рабочей силы, наличие которых и в СССР диктуется всей социально-экономической обстановкой страны в не меньшей мере хотя и в других формах, чем на всем остальном грешном свете. В таких условиях шансы на благоприятный исход переговоров могли бы считаться не безнадежными.

Но уже труднее было понять и не легко об'яснить, почему в ноябре 1937 года, когда обстановка внутри СССР резко изменилась, делегация МФПС сочла возможным подписать в Москве известное соглашение с русскими профсоюзниками, вызвавшее в свое время оживленную дискуссию, между прочим, и на страницах нашего журнала. Одни только условия, поставленные Москвой для своего вхождения в МФПС и даже один только голый факт пред'явления русскими условий вообще следовало считать неопровержимым свидетельством тому, что еще не создана база не то что для окончательной ликвидации учиненного в свое время большевиками раскола международного рабочего движения, но даже и для сколько-нибудь плодотворных переговоров по этому вопросу.

После того, как московское соглашение сделалось достоянием гласности, все надежды на скорую реализацию профсоюзного единства надо было считать совершенно необоснованными, необ'яснимыми, а толкание МФПС на ратификацию соглашения легкомысленной и непростительной политикой.

Несостоятельность и нереальность всей затеи с русскими большевиками для нас были очевидны с первого же момента. Мы слишком глубоко верили в здравый классово - пролетарский смысл вождей МФПС и входящих в нее организаций, чтобы хотя на один момент допустить возможность совершения ими такой грубой ошибки, как принятие в свою среду советских профсоюзов в их нынешнем виде.

Так оно и оказалось на деле. Московское соглашение встретило решительный отпор уже в Бюро МФПС, которое, постановив перенести окончательное решение вопроса в Пленум Генерального Совета МФПС, решило поставить его на предварительное обсуждение всех входящих в Федерацию профорганизаций. Генеральный Совет, заседавший в Осло 17-21 мая с. г. не только отверг огромным большинством голосов московские условия, но еще постановил почти таким же большинством прекратить переговоры о вступлении советских профсоюзов в МФПС *).

Конечно, нелепо и бессмысленно торжествовать по поводу того печального факта, что попытка восстановления профсоюзного единства сорвалась, что расколотое большевиками мировое профдвижение остается и дальше расколотым, что свыше 20 миллионов членов русских профсоюзов остаются вне рамок международной профорганизации. Это горькая действительность, но действительность, которую нельзя изменить ни причитаниями, ни благими пожеланиями, ни заклинаниями. Только творческая работа обоих расколовшихся частей международного профдвижения может создать благоприятную обстановку для благоприятного разрешения проблемы. До тех пор, пока советские профсоюзы остаются в упряжке сталинской диктатуры, какая бы то ни было попытка в этом направлении заранее обречена. Ибо она предполагает известную самостоятельность и независимость советских профсоюзов, а это в свою очередь означает конец комдиктатуры. Не хуже нас понимает это и Сталин, и поэтому он применит всю чудовищную силу своей власти, чтобы раз навсегда заказать русским профсоюзам дорогу к эмансипации от диктатуры.

Что важнее всего и интереснее всего для разрешения проблемы профсоюзного единства в будущем, — это, как показывают дебаты, развернувшиеся в Осло, то, что и вожди МФПС и представляемые ими организации прекрасно усвоили сущность трагедии русского профдвижения. Через все выступления красной нитью проходит та основная мысль, что не миллионы членов русских профсоюзов несут ответственность за чудовищное извращение целей и задач союзов, за тоталитарно - диктаториальные методы управления этими миллионами, что весь центр тяжести вопроса о принятии советских союзов в МФПС сосредоточен в области взаимоотношений между профсоюзами и государственной властью, т. е. комдиктатурой. Даже чехи, занимавшие в Осло примирительную позицию в отношении советских профсоюзов и голосовавшие за продолжение перегово-

*) Подробный отчет об этой сессии генерального совета читатели найдут ниже.

ров с Москвой, должны были признать устами товарища Тайерле, что «решающей в вопросе о приеме русских профсоюзов в МФПС должна быть их роль в государстве».

Вчитываясь внимательно в отчет о дебатах в Осло, испытываешь чувство величайшего удовлетворения и даже гордости за нашу партию. Это ее просветительная работа на продолжении ряда лет помогла вождям мирового профдвижения, вплоть до Жуо, так верно и метко охарактеризовать советские профсоюзы и оценить их сущность.

Дело защиты советских профсоюзов всем членам Генерального Совета казалось настолько безнадежным, что никто не брался хотя бы за робкую только попытку такого рода, за исключением коммунистического представителя французской СЖТ Фрашона, который и то защищал не принятие московских условий, а лишь продолжение переговоров с Москвой.

Никто из членов Генерального Совета, ни одна примыкающая к МФПС организация и не думали защищать тезы, что для сближения с советскими профсоюзами, в интересах внесения некоего единства в самые принципы, на которых построены советское и мировое профдвижение, последнему необходимо будет внести нечто новое в свою идеологию и практику, т. е. изобрести синтез компромисс, который сделал бы возможным пребывание советских профсоюзов в рядах МФПС. Напротив. Все произносившиеся там речи следует понимать только таким образом, что единственным путем, открывающим русским дорогу в МФПС, является путь превращения русских профсоюзов из орудия сталинской диктатуры для управления рабочими массами в орудие самодеятельности и организационной борьбы самих этих масс за их экономические и неразрывно связанные с экономическими политические интересы. В системе комдиктатуры переход на такие позиции невозможен, но если бы налицо были серьезные доказательства готовности русских профсоюзов к серьезной борьбе за завоевание таких позиций, то вопрос о приеме их в МФПС мог бы быть разрешен совсем иначе. При отсутствии же и готовности к этой борьбе достигнутое единство будет не более как механическое комбинирование совершенно противоположных и враждебных друг другу элементов, которое подлинному пролетарскому единству может нанести огромный, почти непоправимый ущерб.

Все это отлично понимали не только многочисленные противники принятия русских профсоюзов в их нынешнем виде в МФПС, но и крайне немногочисленные явные и тайные сторонники такого принятия. Настолько отлично понимали, что ни один из них не оперировал аргументами от интересов профдвижения, как такового, а исключительно аргументами от международной политики пролетариата. Внешне-политические победы фашизма, агрессия фашистских государств, реальная опасность новой мировой бойни диктуют-де с непреложной обязательностью профсоюзное единство. Но в такой постановке это уже вопрос не только профсоюзного единства, но пролетарского единства вообще. Само собой разумеется, что было бы очень хорошо, если бы оказалось возможным разрешить эту проблему, начав с воссоздания единства профсоюзного. Но и здесь, как и на других участках пролетарского фронта, имеется не одна только сторона — МФПС, — а еще и большевистский контрагент. Ведь вот же эти сторонники включения русских профсоюзов в МФПС, исключительно в виду опасности фашизма и войны, все же сочли нужным отвергнуть московские условия, и это, очевидно, потому, что и в нынешней международной обстановке предпочитают раздельное с большевиками существование принятию московских условий. Нам в голову не приходит

ТОВАРИЩ, ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ!

обвинять этих сторонников принятия русских союзов в МФПС в саботировании пролетарского единства. Единственное, в чем их обвинить можно, это в отсутствии реалистического подхода к сложным проблемам. И непростительной недальновидностью, больше того, явным политическим промахом надо считать обвинения в сопротивлении воссозданию пролетарского единства, бросаемые не коммунистами, а некоторыми социалистическими и профессионалистскими деятелями по адресу тех, которые восстают против принятия русских профсоюзов, как они есть, в МФПС. Противниками пролетарского единства были, суть и останутся те, которые раскололи мировое рабочее движение, и снять с них ответственность за это ни перед десятками миллионов пролетариев, ни перед историей никому не удастся, даже при помощи самых тонких диалектических ухищрений.

Взваливать ответственность за раскол и его углубление на международное рабочее движение — значит сваливать е больной головы на здоровую.

Решения Генерального Совета МФПС ни в какой мере не означают, что Федерация отказывается от временных, частных соглашений по отдельным конкретным поводам и даже от постоянного сотрудничания с советскими профсоюзами в вопросах борьбы с фашизмом и войной. И в случае нападения фашистской Германии на Советскую Россию сомнений нет, что МФПС всем своим весом и всеми своими силами будет поддерживать Россию и советские союзы не потому, конечно, что для мирового профдвижения Москва — социалистическая цитадель, почти святыня, куда должны быть устремлены все взоры и надежды мирового пролетариата, а по той простой причине, что не в интересах международного рабочего движения укрепление фашизма через победу над такой огромной страной, как Россия. Если фашистская Германия или Италия нападут на другую страну и, если Сталину угодно будет позволить советским союзам притти на помощь подвергшейся нападению стране, то эта помощь и сотрудничание будет встречено МФПС с радостью и величайшей охотой. Так же охотно будет воспринято международным профдвижением активное участие советских профсоюзов и в борьбе за предупреждение войны, если комдиктатура не воспрепятствует такому сотрудничанию русских союзов с Федерацией. Но само собой разумеется, что все это при условии, если у МФПС будет гарантия, что советские профсоюзы борьбу с фашизмом не подменят, напр., борьбой с троцкизмом, с социализмом, со Вторым Интернационалом, МФПС и их вождями, и что советские профсоюзы не станут втравливать Федерацию в такие ужасные, кровавые, и братоубийственные дела, в которые втравила комдиктатура испанскую революцию, и которые позорят социализм и пролетариат.

Существо майских решений Генерального Совета состоит в том, что об органическом профсоюзном единстве сейчас и речи не может быть. У всех искренних друзей подлинного пролетарского единства нет никаких оснований ни волноваться, ни беспокоиться по поводу

того, что, постановив прекратить переговоры с Москвой, Генеральный Совет якобы навсегда закрыл двери МФПС для русских. Нет, не навсегда. В тот момент, когда последние на деле признают устав Федерации и основы ее политики,—двери Международного Об'единения Профсоюзов широко раскроются для них. Конечно, это признание должно быть не таким, как, напр., признание Италией и Германией политики невмешательства, которое дает им возможность одновременно участвовать в Лондонском Комитете и вести регулярную войну в Испании. Советским союзам надо будет выбирать, — либо признание устава и политики Федерации, которого они могут добиться лишь в результате эмансипации от комдиктатуры, — либо хождение на поводу у Сталина. Решение Генерального Совета сводится к тому, чтобы воспрепятствовать советским союзам делать одновременно и то и другое.

Мы испытываем глубокое удовлетворение решениями Генерального Совета, ибо здравый смысл одержал блестящую победу над утопиями, фантазиями и демагогическими маневрами.

С. ШВАРЦ.

И все же за единство!

Решение Генерального Совета Международной Федерации Профсоюзов об отказе от дальнейших переговоров с советскими союзами (см. ниже «Русский вопрос в Осло») означает принципиальный *поворот* в политике МФПС в «русском вопросе». До сих пор прочной *традицией* МФПС по отношению к русским профсоюзам была *политика открытых дверей*, временами, пожалуй, даже больше: *политика протянутой руки*. Политика эта нашла свое отчетливое выражение в постановлениях Амстердаского (1919 г.), Лондонского (1920 г.), Римского (1922 г.), Венского (1924 г.) международных конгрессов профсоюзов и в ряде постановлений Генерального Совета и Бюро МФПС и получила еще совсем недавно свое подтверждение в принятой *единогласно* резолюции Лондонского международного конгресса 1936 года. Сейчас двери перед русскими профсоюзами захлопнулись: Генеральный Совет не только отклонил попытку ВЦСПС ставить условия Интернационалу и отверг московские условия и по существу, но пошел дальше и постановил вообще прекратить переговоры с ВЦСПС *).

«Амстердамской» традиции политики открытых дверей по отношению к русским профсоюзам противостояла *московская традиция* раскола международного профессионального движения и борьбы не на жизнь, а на смерть против «желтого Амстердама». На совещании представителей ВЦСПС и МФПС — в Москве в ноябре прошлого года — московская раскольничья традиция рухнула, ВЦСПС молчаливо похоронил Профинтерн и в принципе высказался за присоединение к «Амстердаму». Но сейчас — после Осло — рушится и «Амстердамская» об'единительная традиция, и разве лишь предстоящий в 1939 году международный конгресс профсоюзов может ее спасти.

Но нужно ли и впрямь сохранять эту традицию? Разве осталось в советских профсоюзах хоть что-либо от свободных, самостоятельных рабочих организаций, отстаивающих экономические интересы наемного труда, т. е. хоть что-либо от того, что составляет душу всякого профессионального движения? Разве не превратились они и впрямь в лишенный всякой самостоятельности придаток к коммунистической партии, в свою очередь давно переставшей быть рабочей партией и превратившейся в построенный по авторитарному принципу аппарат диктатуры? Эти вопросы снова и снова ставили себе в последние месяцы руководители профессионального движения в разных странах. Неблагоприятные для советского профдвижения ответы на эти вопросы большинства национальных профсоюзных федераций (см. в предыдущем номере «С. В.» обзор: «МФПС и русские профсоюзы») и предопределили, к сожалению, решение Генерального Совета МФПС в Осло.

К сожалению? Но разве советские профсоюзы не являются лишь безвольным орудием в руках псевдо-коммунистической диктатуры? — Да и нет. Да, если судить лишь *по внешности*, если сосредоточивать свое внимание лишь на том факте, что компартия сажает своих людей на все руководящие посты в профдвижении, безапелляционно удаляет (а то и уничтожает) всех ей почему-либо неугодных профсоюзных работников и оказывает решающее влияние на всю деятельность профсоюзов. Но за этим скучным и однообразным фасадом сталинизированного профдвижения развертываются сложные социальные процессы, оказывающие влияние и на развитие профсоюзов и на взаимоотношения их с диктатурой. Свобода компартии в определении ею своей политики в отношении профсоюзов далеко не так безгранична, как это может казаться поверхностному наблюдателю. Многомиллионный и численно растущий рабочий класс со своими особыми экономическими и социальными интересами оказывает самым фактом своего существования и благодаря той роли, которую он играет в экономической жизни страны, *давление изнутри* на всю систему диктатуры. Если взаимоотношения между диктатурой и рабочим классом носят сравнительно благоприятный характер и рабочий класс в общем и целом ощущает диктатуру, как свое правительство (а в первое десятилетие советского государства таково было в основном ощущение большинства рабочего класса), — *социальное напряжение* между рабочим классом и диктатурой оказывается незначительным и давление рабочего класса на диктатуру минимальным. Но если противоречие между системой коммунистической диктатуры и рабочим классом нарастает, — социальное напряжение становится все ощутительнее, и правительство и компартия оказываются *вынужденными* в какой-то мере отступать пред растущим давлением рабочего класса и, в частности, мириться с фактом какой-то зачаточной самостоятельности профсоюзов. А ведь не подлежит сомнению, что как раз в последние 2-3 года отчуждение между рабочим классом и диктатурой быстро нарастает, и что рабочий класс все отчетливее это *ощущает*, если даже, может быть, пока лишь очень смутно это *сознает*.

Оффициальное признание «*кризиса профдвижения*», попытки оффицильных вождей советских профсоюзов сделать своим знаменем *профсоюзную демократию*, введение *тайного го*

*) В статье «Русские профсоюзы и профсоюзный Интернационал» в № 1/2 «Социалистического Вестника» тов. Р. Абрамович, полемизируя против высказанного мною в № 23/24 за прошлый год положительного отношения к возможному вступлению русских профсоюзов в МФПС, приписывает мне готовность примириться с условиями, выдвинутыми ВЦСПС на Московском совещании представителей МФПС и ВЦСПС и опубликованными во второй половине января. Это, конечно, недоразумение. Об этих условиях в статье моей не было сказано ни слова. А в появившейся одновременно моей немецкой статье (в «Социалистишэ Вартэ» от 24-го декабря) я, еще не зная в точности выдвинутых в Москве условий, высказался по существу по всем вопросам, которых они касались, и развитая мною здесь аргументация не допускает и мысли о приемлемости с моей точки зрения московских условий. Более подробно я имел случай высказаться об этих условиях во французском «Сэндика» от 9-го марта.

лосования на выборах в профсоюзах, постоянное подчеркивание в последнее время, что союзы прежде всего должны отдавать свои силы удовлетворению непосредственных нужд рабочих масс, предстоящее восстановление системы коллективных договоров — все это лишь первые симптомы намечающейся переориентировки советских профсоюзов. Развитие это совершается медленно, с перебоями, но симптомы его бесспорны, и оно должно вести к тому, что советские профсоюзы вновь приблизятся к типу подлинных профсоюзов. Сближение со свободными профсоюзами Запада не может не оказать на это развитие благоприятного влияния.

Достаточно вспомнить переворот, совершенный компартией в профсоюзах в 1929 г., сопровождавшийся насильственным устранением из профессионального движения Томского и его многочисленных сторонников. Представим себе, что русские профсоюзы уже принадлежали бы в это время к МФПС (и Томский был бы товарищем председателя Интернационала). Коммунистическое насилие над профсоюзами нашло бы тогда гораздо более громкое эхо в европейском рабочем движении, разгром «советского тред-юнионизма» был бы значительно затруднен и уж во всяком случае не мог бы быть таким полным, а, может быть, встретил бы и известное сопротивление со стороны русских рабочих.

Вступление русских профсоюзов в Интернационал вообще должно было бы усилить в русском рабочем классе чувство связанности с европейским рабочим движением. Как ни замордованы советские профсоюзы компартией, — ощущение, что они в какой-то отдаленной мере являются органами рабочего класса, всегда жило в рабочих массах Советского Союза. Характерно, что за 20 лет коммунистической диктатуры никогда не отмечалось попыток — пусть и слабых, примитивных, таящихся в глубоком подпольи — создать какие-то другие профсоюзы. И в сознании активных элементов рабочего класса неискоренима мысль, что возрождение свободного рабочего движения в России начнется с оживления существующих, в настоящее время представляющих такую жалкую картину профсоюзов.

Все это, может быть, и верно, и с точки зрения русского «Амстердамца» положительное отношение к вступлению русских профсоюзов в МФПС, может быть, и понятно. Но для нас вопрос стоит иначе, и введение в Интернационал русских профсоюзов, лишенных всякой самостоятельности и представляемых прямыми агентами сталинской диктатуры, создает и для МФПС в целом, и для движения в отдельных странах большие трудности. В этом смысле писал мне недавно один из заслуженных ветеранов международного профессионального движения.

Спору нет: вступление советских профсоюзов в МФПС отнюдь не означало бы для Интернационала начала мирного жития. Но и отступление перед этими трудностями не помогает делу, а лишь облегчает «маневры» представителей сталинизированного коммунизма, обеспечивая им возможность выступать в роли поборников международного единства против «раскольников» из МФПС. Трудности нужно преодолевать, а не от них уклоняться. Со вступлением советских профсоюзов в МФПС и окончательной ликвидацией Профинтерна борьба за единство международного профдвижения лишь формально окажется законченной; фактически она вступит в новую, высшую, но, может быть, и требующую большого идейного напряжения стадию, как борьба за внутреннюю консолидацию международного профдвижения на значительно расширенной основе.

Эта борьба не только не должна ослабить Интернационал, но напротив: если вести ее мужественно и с открытым забралом, не уклоняясь от принципиальных споров и с непреклонной волей к упрочению единства рабочего класса, с верой в правоту и в победу свободного профессионального движения, построенного на началах подлинной самодеятельности рабочего класса, — борьба эта будет содействовать внутреннему укреплению профессионального движения и в международных, и в национальных рамках.

«РУССКИЙ ВОПРОС» В ОСЛО.

Центральным вопросом на состоявшейся во второй половине мая в Осло очередной сессии Генерального Совета Международной Федерации Профсоюзов был вопрос о вступлении русских профсоюзов в МФПС. Обсуждение этого вопроса происходило в публичных заседаниях Генерального Совета в течение двух дней — 18-го и 19-го мая — и закончилось отказом МППС от дальнейших переговоров с ВЦСПС.

Обсуждение вопроса открылось докладом генерального секретаря МФПС т. Схевенельса. Схевенельс изложил историю попыток бюро (правления) МФПС вступить после Лондонского международного конгресса (1936 г.) в переговоры с советскими профсоюзами. Попытки эти долго не находили отклика со стороны ВЦСПС и лишь в конце ноября 1937 г могло, наконец, состояться совещание представителей МФПС и ВЦСПС, на котором представители советского профдвижения выдвинули ряд условий политического и организационного характера, в случае принятия которых Интернационалом советские профсоюзы вступили бы в МФПС.

Бюро МФПС, как известно, постановило (в январе 1938 г.) предложить Генеральному Совету отклонить эти условия. На сессии Генерального Совета обсуждался, однако, не столько вопрос о приемлемости или неприемлемости выдвинутых ВЦСПС условий, сколько общий вопрос о желательности приема русских профсоюзов в Интернационал.

Главным оратором в пользу положительного решения этого вопроса был т. **Жуо** (Франция). Жуо свободен от иллюзий относительно характера советских профсоюзов, но вопрос о существе русских профсоюзов отступает сейчас для него на задний план, и позиция Жуо всецело определяется **международно-политическими** соображениями: «Все, что можно сказать о природе русских профсоюзов, о их зависимости от правительства, все это я не раз высказывал публично, когда международное положение было иное, чем сейчас, и когда многие надеялись, что под давлением рабочего класса положение внутри каждой страны может быть упрочено, и режим в России окажется вынужденным перестроиться по образцу демократических режимов. Сейчас положение иное». «Наступил час, когда нужно оставить в стороне формальные соображения и разногласия в вопросах мировоззрения, нужно понять, что все те, кто хочет вместе с нами бороться за свободу народов, должен найти у нас братский прием».

И еще (полемизируя против возможного аргумента об одинаковой зависимости профсоюзов в России и в фашистских странах от их правительств): «Есть страны, как Россия, внутренняя структура которых может вызывать с нашей стороны критику, но если можно критиковать, а за определенные акты и осуждать внутреннюю структуру русского режима, то все же этот режим позволяет русским союзам быть с нами в борьбе за дело освобождения, между тем как в других тоталитарных государствах союзы не имеют этой возможности. В этом и заключается разница, и в данный момент я не хочу ничего больше знать».

Но и Жуо настаивал не на принятии выдвинутых ВЦСПС условий, а лишь на продолжении переговоров с ВЦСПС о вступлении советских профсоюзов в Интернационал «в рамках устава и в плане деятельности МФПС».

Международно-политическим аргументом отстаивали мысль о желательности вовлечения русских профсоюзов в МФПС и тт. **Таледано** (Мексика) и **Дель-Росаль** (Испания). Один лишь г. **Фрашон** (Франция) пытался взять по существу советские профсоюзы под свою защиту и протестовал против аргумента об отсутствии в Советском Союзе синдикальной свободы («защищать эту свободу нужно в странах капитализма, а не в России»), но и он не предлагал принять московские условия, а защищал лишь мысль о продолжении переговоров и о необходимости при ведении их стремиться к скорейшему достижению единства.

Но и многие из противников допущения советских профсоюзов в МФПС аргументировали главным образом интересами антифашистской борьбы, правда, не в международных, а в национальных рамках. Тов. **Здановский** (Польша) выразил опасение, что вступление советских профсоюзов в МФПС затруднит в Польше политическое сотрудничество рабочего класса с крестьянским движением и с либеральным крылом буржуазии, без чего немыслима сейчас победа над поль-

ской реакцией. Аналогичные опасения в отношении швейцарского младо - крестьянского и буржуазно - демократического движений высказал и тов. **Мейстер** (Швейцария). Тов. **Делабелла** (Голландия) полагает, что вообще всякое сотрудничество с коммунистами является водой на мельницу фашизма.

Иначе поставил вопрос т. **Мертенс** (Бельгия): «Условия, выдвинутые ВЦСПС, должны встретить решительный отпор. Здесь пред нами новый маневр русских профсоюзов по образцу тех, к каким они всегда прибегали по отношению к МФПС». Мертенс протестует против того, что ВЦСПС обращается к МФПС с требованием о применении пролетарских санкций (бойкота и пр.) против агрессора, между тем как в Советском Союзе «рабочие вынуждены работать для обеспечения поставок фашистским государствам и подверглись бы опасности расстрела, если бы попытались посредством стачки бороться с такого рода поддержкой фашизма». Мертенс отвергает «иллюзию, будто присоединение русских профсоюзов будет означать усиление МФПС», и предлагает отказаться от дальнейших переговоров с ВЦСПС: «Если бы непосредственно после Лондонского конгресса советские союзы подали заявление о приеме их в МФПС, мы не могли бы их отвергнуть. Но после того, как они выдвинули свои условия и требования, мы не можем их принять».

Эта попытка мотивировать отказ от намеченной в Лондоне линии, повидимому, не показалась достаточно убедительной единомышленникам т. Мертенса. Тов. **Мейстер** (Швейцария) оказался решительнее Мертенса и прямо заявил, что Лондонское постановление было ошибкой. Близок к этой точке зрения и т. **Делабелла** (Голландия): «Лондонское решение создало нам большие трудности, да к тому же и после Лондона многое изменилось». Ошибкой считает Лондонское решение и т. **Линдберг** (Швеция), подчеркнувший, что вопреки тому, что ожидалось в Лондоне, «развитие в России пошло в направлении не к демократии, а к усилению становящейся все более жестокой диктатуры».

Решительно отвергает мысль о приеме русских профсоюзов в Интернационал и М. **Уол** (Соед. Штаты Америки): Независимость профсоюзов и синдикальная свобода должны быть нерушимыми принципами МФПС. «Русские профсоюзы это—коммунистические организации, зависимые от диктатуры и лишь по политическим соображениям защищающие сейчас политику организационного единства». Более мягко ту же мысль формулировали тов. **Хигс** (Англия), подчеркнувший, что русские профсоюзы «находятся под абсолютным контролем политической диктатуры», и т. **Ионсен** (Дания), отвергающий мысль о принятии сейчас русских профсоюзов в МФПС, но считающийся с перспективой принятия их в будущем, «когда положение в России существенно изменится».

Примирительную позицию заняли норвежцы: т. **Хиндаль**, отвергая московские условия и настаивая в частности на необходимости сохранения свободы критики России, считает необходимым продолжение переговоров с ВЦСПС и принятие советских профсоюзов в МФПС на общих для всех участников Интернационала основаниях. Тов. **Тайерле** (Чехословакия), подчеркнув, что решающим вопросом при приеме русских союзов в МФПС должна быть их роль в государстве, предлагает, однако, продолжать переговоры и добиваться идеологического сближения русских профсоюзов с европейским профдвижением.

Прения закончились одобрением — 16 голосами против 4 (Франции, Мексики и члена бюро Жуо) и при 1 воздержавшемся (Норвегия) — постановления бюро об отклонении московских условий и затем принятием 14 голосами против 7 следующей резолюции:

> **«Генеральный Совет МФПС постановляет, в виду положения в СССР и принимая во внимание мнения, высказанные входящими в МФПС национальными федерациями, не продолжать переговоров с русскими профсоюзами».**

За эту резолюцию голосовали представители Англии, Бельгии, Голландии, Дании, Польши, Соединенных Штатов, Финляндии, Швейцарии и Швеции и члены бюро Ситрин, Мертенс, Куйперс, Якобсен и Схевенельс; **против** нее голосовали представители Испании, Мексики, Норвегии, Чехословакии и Франции и члены бюро Жуо и Тайерле *).

С. Ш.

---

*) По данным последнего ежегодника МФПС девять национальных федераций профсоюзов, голосовавших за резолюцию, об'единяли в 1937 г. 9.988.000 членов профсоюзов, пять национальных федераций, голосовавших против, — 8.520.000 членов профсоюзов.

Партийная трибуна

Ф. ДАН.

Полемика или дискуссия?

Свою статью «О лозунге «борьба за легальность» и о лозунгах вообще» (см. прошлый номер «С. В.») т. Николаевский начинает с указания на «существенное отличие» нового периода истории Советской России от всех предыдущих и с признания «вполне закономерным желания наново, в применении в создавшейся новой обстановке пересмотреть основные вопросы программы и тактики российской социалдемократии», и кончает призывом «правильно построить стратагему будущего распределения сил» и «наметить правильные ведущие лозунги». Но будет разочарован читатель, ожидающий, что резко критикуемой им моей, неправильной «стратагеме» т. Николаевский противоставляет свою, «правильную»: такого противоставления, а, следовательно, и **дискуссии**, нет в статье т. Н. ,в ней есть лишь **полемика**. Но и полемику свою т. Н. обеспложивает и измельчивает тем, что, игнорируя самые основы критикуемых им взглядов и всю действительную аргументацию в их защиту, мечет свои стрелы в отдельные фразы, вырванные из контекста статей, или в отдельные мысли и положения, вырванные из контекста идей.

Тов. Николаевскому не хуже любого читателя «С. В.» известно, что, в отличие от него, внешне-политической вехой победы фашизма в Германии и внутренне политической вехой связанного с этой победой провозглашения новых, «демократических» принципов конституции, а отнюдь не «трупами Каменева, Пятакова, Рыкова, Бухарина и многих других» отмечено для меня вступление Советской России в «новый период ее истории»: «трупы» — это лишь **один** (конечно, самый ужасный!) из **продуктов** этого нового, завершительного периода русской революции. Именно поэтому я уже свыше пяти лет непрерывно выдвигаю и разрабатываю проблему борьбы за мир и по малой мере свыше двух лет — проблему борьбы за демократизацию советского режима «в применении к создавшейся новой обстановке». Десятки статей, приводящих аргументы экономического, политического, социального, культурного, организационного и т. д. порядка написаны мною, в обоснование моей концепции, за эти годы на эти темы.

Можно, конечно, оспаривать эту аргументацию, доказывать ее несостоятельность, и я не сомневаюсь, что т. Н., если бы захотел, мог бы сказать по ее поводу много такого, что дало бы толчок настоящему, серьезному обсуждению этих вопросов, жизненных не для нашей только партии, а для всего мирового социализма. Но он предпочел, вопреки очевидности, об'явить (и даже « приветствовать»!) каким-то «почином» мои две последних статьи на эти темы, в которых я, разумеется, не имел ни причины, ни возможности повторять все свои аргументы, и тем освободил себя от обязанности хоть сколько-нибудь считаться с действительным обоснованием моей позиции ,данным мною, конечно, отнюдь не «в двух последних номерах».

Вот один из примеров такой обескураживающе-поверхностной полемики. В статье «Борьба за легальность» я говорю о «политической двусмысленности» сталинского режима, как о факторе, создающем известные «зацепки» для борьбы трудящихся масс «за легальное отстаивание своих интересов» («С. В.», № 8). Послушать т. Николаевского, так все сводится для меня к «логическому противоречию в идеологии», а между тем, наставляет он меня, роль такого фактора могла бы играть лишь «реальное противоречие в политической практике правящих классов и групп». Если бы он не пошел в своей полемике по линии наименьшего сопротивления, то, конечно, он не мог бы игнорировать тот факт, что выражением «политическая двусмысленность» я лишь кратко обозначаю ту сумму вполне «реальных» противоречий, который созданы для «политической практики» (правда, не только «правящих классов и групп», о которых говорит т. Н., но, что с моей точки зрения гораздо важнее, и самих трудящихся масс) «новым периодом истории». В своей статье я нарочито напоминаю ведь, что «уже **неоднократно** имел случай говорить, **почему** то противоречие и та двусмысленность, которые внесены в режим сталинского единодержавия новой конституцией, создают и не могут не создать известных трещин в этом режиме», и т. д.

Но если т. Н. ни за это не хочет считаться с моими бесчисленными статьями на интересующую его тему, то пусть прочтет хоть **не мной** написанный редакционный комментарий к известному «письму» Загр. Делегации нашей партии с'езду Советов (см. ст. «Первый шаг» в № 20 за 36 г.), где он найдет вполне конкретное перечисление хотя бы части тех (цитирую автора комментария) «очень реальных и настоятельных причин, которые **заставили** (курсив мой) Сталина — пусть лицемерно и с задними мыслями! — присягнуть в верности демократии и прибегнуть к всеобщему, тайному избирательному праву» и «**заставят** (к. м.) его пойти по этому пути и дальше». Не согласится-ли т. Н., что сказать хоть одно слово по существу этих «очень реальных причин», имеющих самое непосредственное отношение к вопросу об уместности «борьбы за легальность» в новых условиях, было бы куда полезнее, чем посвятить одну половину своей статьи поверхностной полемике, а другую «лозунгам вообще»? Он разрешит мне во всяком случае пройти мимо всех полемических выпадов и отложить все вопросы «вообще» до другого раза, а сейчас заняться единственно и исключительно проблемой «борьбы за легальность», и притом, главным образом, не теми сторонами ее, о которых я писал уже десятки раз (тут мне все-же не остается ничего другого, как отослать интересующихся этой проблемой к моим старым статьям), а теми, в которых моя точка зрения может представляться недостаточно выясненной.

Тов. Николаевский, конечно, заблуждается, когда изображает дело так, будто лозунг «борьба за легальность» означает игнорирование «**больших** задач», встающих перед социал-демократией в процессе ликвидации сталинской диктатуры, или будто его значение состоит в том, что он «**принизит** наше понимание грядущих сдвигов». Кто сколько-нибудь интересовался моей публицистической работой за последние годы, тот знает, что именно на «больших» политических задачах завершительного периода советской революции и, прежде всего, на огромной двуединой задаче борьбы за неразрывно связанные в нашу эпоху **демократию и социализм** старался и стараюсь я сосредоточить внимание партии. Лозунг-же «борьба за легальность» имеет чисто **тактический** характер: он относится не к **политическим** задачам партии, а к **методам** борьбы за эти задачи, противоставляя борьбу трудящихся **на почве советского строя** и за **реальное завоевание** тех прав, которые этот строй дает им на бумаге, расчетам на новую «демократическую» или «социалистическую» народную революцию, для которой в реальности «нового периода» нет абсолютно никаких предпосылок, или на «дворцовый переворот», для которого предпосылок имеется, увы, более чем достаточно, но результатом которого может быть лишь оформление и закрепление того или иного вида контр-революции.

О шансах и перспективах так наз. «новой революции», с одной стороны, «дворцового переворота», с другой, я писал столько раз, что было бы поистине непозволительно снова повторять здесь уже неоднократно сказанное. Что думает об этих основных для партийной стратегии и тактики вопросах т. Николаевский, остается и после его статьи абсолютно неизвестным, вследствие чего абсолютно неизвестным остается и то, в каком-же направлении идет предлагаемая им партии «стратагема». Что-же касается меня, то, об'являя «борьбу за легальность», т. е. борьбу за овладение формально-легальными позициями советского режима «**самой основной** революционной задачей рабочего класса в современной России», я лишь перефразирую резолюцию, принятую Загр. Делегацией нашей партии 8 октября 1936 г., одновременно с упомянутым уже выше «письмом», и гласящую:

> «ЗД РСДРП полагает, что **основная задача** партии в настоящий момент заключается во всестороннем содействии рабочим массам в их попытках использовать легальные рамки новой конституции для отстаивания своих интересов».

Как видим, т. Николаевский имел в своем распоряжении по малой мере около 2 лет для оспаривания того круга политико-тактических идей, который сформулирован кратко в лозунге «борьба за легальность». Тем досаднее, что, решив наконец выступить против этих идей публично, он не счел нужным посчитаться со всем, что сказано в их обоснование за эти два года, счел возможным игнорировать даже то, что говорит упомянутый уже (повторяю: **не мною** написанный) комментарий, как по вопросу о том, почему в условиях «нового периода» есть реальная почва для «борьбы за легальность», так и по вопросу о том, почему этот метод борьбы должен стать «основным» для нашей партии в этих условиях.

Я и в этом случае не стану повторять в сотый раз уже неоднократно сказанного. Но я хочу вполне определенно подчеркнуть, что тактика «борьбы за легальность», т. е., повторяю, борьбы **на почве советского режима и за овладение им, а не за его низвержение,** имеет для меня сейчас, в завершительный период советской революции, не менее **принципиальное** значение, чем она имела в восходящий период развития этой революции, когда ее внешней, практически политической формой было провозглашение готовности к «прямому союзу» («соглашение») с большевистскою властью, «буде условия этого союза дадут социалистическому пролетариату возможность сохранить **свое** лицо и воздействовать на революцию в направлении к ее освобождению от утопизма и реакционных черт» («Ответ критикам», последняя статья Мартова в «С. В.», № 2 от 17 января 1923 г.).

Эта внешняя практически политическая форма отжила свой век, и есть немало товарищей, которые из этого отмирания **формы** заключают к отмиранию и **содержания**, к «банкротству» всей «мартовской» политическо - тактической линии. На деле эта линия сохраняет всю свою жизненность, хотя и в той совершенно новой оболочке борьбы за использование «легальных рамок новой конституции», в которой ее не узнают кое-какие бывшие друзья и сторонники ее. Она сохраняет всю свою жизненность, потому что сохраняет свой глубокий принципиальный смысл — борьбы за сохранение социалистическим пролетариатом не только на под'еме революции, но и на спаде ее «своего лица».

Не следует думать, что эта забота о сохранении «своего лица» относится к области не политических, а моральных категорий, вроде желания сохранить «чистоту риз» и т. п. Я, правда, не так уверен, как уверен, повидимому, т. Николаевский, что наша партия еще на очень долгое время осуждена на политическое бездействие: мы живем в эпоху великих внешних и внутренних катастроф, когда и в судьбах стран, и в судьбах партий, как в судьбах отдельных личностей, возможны самые неожиданные и молниеносные перевороты. Но я согласен с т. Н., что **сейчас** мы во всяком случае не столько «активно действующия политическая партия», сколько «пропагандистская группа, которая не вызывает какое-то действие в наши дни, а **готовит сознание** (курсив мой) тех, кто сможет действовать в будущем, в дни грядущих сдвигов». Примем это положение т. Николаевского в его самом крайнем смысле. Согласимся с ним на минуту, что сейчас мы абсолютно не в состоянии вызвать какое-бы то ни было «действие» в смысле «борьбы за легальность». Он, в свою очередь, согласится, конечно, с нами, что еще меньше можем мы расчитывать сейчас на какое-либо непосредственное «действие» в смысле организации «новой революции» или «дворцового переворота». Но в таком случае значение тех «ведущих лозунгов», которых требует и т. Н., приходится оценивать, прежде всего, именно под углом зрения «подготовки сознания» трудящихся, в первую очередь — рабочих, масс к тем «грядущим сдвигам», непосредственно подготовлять которые мы не можем.

Выдвигая тактический лозунг «борьбы за легальность» в том смысле борьбы на почве и в рамках советского режима, какой он только и может иметь, я с полной определенностью отвечал и отвечаю на вопрос, в каком направлении я **хочу** «готовить сознание» советского и международного пролетариата к тем сдвигам, которыми будет ознаменована ликвидация сталинского единодержавия, совпадающая с новым, завершительным периодом советской революции, и в каком направлении «готовить» это сознание — **не хочу.**

Я **не хочу** готовить сознание рабочих масс к «новой революции» или ,иначе, к революционному низвержению советского режима, хотя бы в его сталинском вырождении и перерождении. Я не хочу готовить их сознание в этом направлении потому, что, и независимо от остающихся в силе общих «мартовских» аргументов против «революционного низвержения» большевистской диктатуры, я полагаю, что нынешняя (употребляю выражение т. Н.) «стратагема распределения сил» внутри страны и во внешнем мире исключает всякую вероятность успешной демократической или социалистической революции в Советском Союзе, оставляя лишь возможность разрозненных или национально - сепаратистских вспышек, которые неминуемо будут подавлены централизованным государственным аппаратом и самое подавление которым создаст фундамент для упрочения контр-революции — вероятно, в форме военной диктатуры.

Еще менее хочу я готовить сознание масс к сколько-нибудь положительному отношению к «дворцовому перевороту», потому что такой переворот (я неоднократно об'яснял, почему) может только оформить и закрепить, а отнюдь не предотвратить ту контр-революцию, которую готовит сталинское единодержавие, и притом консолидирует эту контр-революцию тем прочнее, чем больше будет «поддержан» хотя бы пассивным сочувствием масс.

Выдвигая лозунг «борьбы за легальность», я **хочу** «готовить сознание» масс в том направлении, чтобы они не питали никаких иллюзий ни насчет «новой революции», ни насчет «дворцового переворота»; чтобы они не растрачивали своих сил и своих жизней в бесплодных и, с точки зрения их интересов, в данной обстановке вредных революционных

вспышках; чтобы они не возлагали никаких надежд на «дворцовых переворотчиков», а, наоборот, заранее относились к ним с величайшим недоверием и настороженностью. Я **хочу** «готовить сознание» масс в том направлении, чтобы во всех «грядущих сдвигах», формы которых никто предусмотреть не может, они стремились сохранить «свое лицо» — лицо класса, самые кровные интересы которого требуют замены сталинского единодержавия не тою или иною разновидностью упорядоченной контр-революции, а **социалистическою демократиею**, потому что иной демократии в наше время вообще, а в условиях Советского Союза в особенности, быть не может.

И когда я говорю, что других путей для отстаивания «больших задач» демократии и социализма, кроме «борьбы за легальность» в условиях «нового периода» советской революции «нет и быть не может», то я вовсе не имею в виду «пустить в ход довод от противного» и тем менее «запугать» своих оппонентов, как уверяет т. Николаевский.

Нет, говоря это, я обращаюсь, прежде всего, к социалистам, чтобы сказать им: если бы даже сталинский террор сделал вашу борьбу за «использование легальных рамок новой конституции» совершенно безнадежной (а я не раз об'яснял, почему абсолютно безнадежной такую борьбу **не считаю**), то и в этом случае вы должны были бы бросить все свои силы на «борьбу за легальность»; вы должны были бы делать это, чтобы «подготовить сознание» рабочих масс к тем «грядущим сдвигам», в которых они должны решительно противопоставить себя «переворотной» контр-революции, чтобы с самого начала ослабить ее и подготовить «скорейшее возрождение» своего собственного движения за демократию и социализм уже в новых условиях упорядоченной и консолидированной контр-революции, ибо, — с этим согласен и т. Н., — «поражение в борьбе» подготовляет такое возрождение.

Обращаясь же к своим оппонентам, я отнюдь не хочу морально терроризировать их, а хочу, с одной стороны, выражаясь опять-таки словами т. Николаевского, заставить их «смотреть в глаза действительности, не пугаясь последней», т. е. не пытаясь выдавать несомненное историческое поражение пролетариата, демократии и социализма за какую-то их победу или полу-победу, а с другой, побудить самих оппонентов сказать, в каком-же направлении они хотят «готовить сознание» масс, чего они хотят и чего не хотят — даже на тот случай, если бы «переворотные», т. е. контр-революционные методы ликвидации сталинской диктатуры оказались исторически уже единственно возможными и предрешенными (чего я, повторяю, не думаю), — сказать это с такою-же прямотою, ясностью, определенностью, с какою — думаю, никто не сможет отрицать этого, — не раз говорил и еще раз сказал в этой статье я.

Вот, если т. Николаевский захочет в другой статье дать «ответы прямые» на поставленные ему мною вопросы, тогда от более или менее бесплодной полемики можно будет наконец перейти к серьезной дискуссии, необходимой, чтобы «подготовить сознание» уже не масс, а самой партии к той задаче, которую она и в качестве «пропагандистской группы» обязана выполнять, если не хочет потерять самый смысл своего существования.

В РАБОЧЕМ СОЦ. ИНТЕРНАЦИОНАЛЕ

29 и 30 мая 1938 г. в Брюсселе состоялось заседание Исполкома РСИ. Заседание это было прежде всего посвящено обстоятельному обсуждению современного **международного положения**, таящего в себе столь серьезные опасности. После вводной речи председателя **Де-Брукера** были обсуждены одна за другой наиболее неотложные проблемы. Дебатам по поводу Чехословакии предшествовал подробный доклад представителя этой страны; дискуссия по поводу Испании началась вступительным словом испанского делегата **Кордеро.** Проект резолюции по поводу Чехословакии был предложен английской делегацией, от имени которой **Дальтон** обещал чешской демократии самую полную поддержку Рабочей Партии. По вопросу об Испании резолюция была предложена от имени всей французской делегации **Жиромским.** Дискуссия, занявшая бо́льшую часть всего заседания, закончилась принятием печатаемых ниже резолюций. Резолюции эти наново подтверждают ту политику, которую РСИ всегда проводил по отношению к фашистской агрессии, и которая может быть сформулирована в лозунге: **коллективная и решительная защита демократии!**

По предложению представителей социалистических партий Польши (Бунда и ППС) Исполком принял резолюцию, в которой клеймятся новые **преследования против евреев.**

По вопросу о **борьбе за демократию** был заслушан доклад секретаря Адлера, поставившего проблему в ее полном об'еме. После краткого обмена мнений было постановлено посвятить подробному обсуждению всей этой группы проблем специальное заседание и предложить примыкающим партиям представить к этому заседанию письменно свои соображения.

Далее Исполком обсудил вопрос о **политических эмигрантах,** в особенности вопрос об ужасном положении новых эмигрантов, которые вынуждены были сейчас бежать от гитлеровского террора в Австрии. Исполком осудил чрезвычайные ограничения, которые за последнее время были введены против эмигрантов в ряде стран и которые являются серьезной угрозой **праву убежища.** Исполком поручил Секретариату с величайшим вниманием следить за этим вопросом.

Помимо этого, Исполком обсудил и разрешил ряд **организационных** вопросов. Он принес свои сердечные поздравления Норвежской Рабочей партии, которая, после оффициального присоединения к РСИ, впервые приняла участие на заседании Исполкома. Партия эта будет представлена в Исполкоме двумя делегатами.

По предложению Испанской Социалистической партии тов. Кордеро был избран членом Бюро РСИ.

Перед заседанием Исполкома, 28 мая в Брюсселе же состоялось заседание Бюро РСИ, посвященное подготовке Бюро Исполкова.

⁂

Наша партия была представлена на заседании Бюро и Исполкома тов. **Р. Абрамовичем.**

РЕЗОЛЮЦИИ БРЮССЕЛЬСКОГО ИСПОЛКОМА РСИ, ПРИНЯТЫЕ 29 И 30 МАЯ В БРЮССЕЛЕ.

Совместная защита демократии.

Исполком РСИ констатирует, что события последних недель с новой силой доказали, что только решительная политика коллективной безопасности, только совместная защита демократии и мира против фашистского нападения может еще предотвратить превращение войны, которая уже свирепствует в Абиссинии, Испании и Китае, в мировое пожарище. Верный политике, которую он провозгласил уже давно, Интернационал решает удвоить свои усилия для того, чтобы прийти на помощь борющимся за свою свободу народам и предотвратить новые хищнические нападения.

Чехословакия.

Исполком РСИ до крайности обеспокоен серьезным положением, создавшимся на границах Чехословакии.

Спокойная храбрость, с которой чехословацкий народ принял необходимые меры для того, чтобы сохранить мир и, если нужно, оказать противодействие чужеземному вторжению, заслуживает восхищения всех народов, готовых защищать свою собственную независимость.

Интернационал высказывает свое полное признание твердой преданности социалдемократов немецкого языка принципам личной свободы и демократии. Они бесстрашно ведут свою борьбу в обстановке террора, который раздувается силами, стоящими по ту сторону границы и за которыми скрывается брутальная угроза и вооруженное насилие.

Интернационал с удовлетворением констатирует, что правительство Чехословацкой республики проводит по отношению к немецкому меньшинству примирительную политику и готово, совместно с ним и другими национальностями Чехословакии, обсудить меры для удовлетворения обоснованных жалоб на основе равенства, свободы и справедливости для всех частей населения, в рамках конституции.

Неделю тому назад всеобщая европейская война была предотвращена только благодаря твердому поведению некоторых правительств. Но каждую минуту может разразиться новый острый кризис. Этот последний опыт показал, что если хотеть сохранить мир, то необходимо пустить в ход все средства для того, чтобы организовать коллективную защиту на надежной основе под руководством государств, примыкающих к Лиге Наций. Это должно быть сделано как можно скорее, если мы хотим охранить европейскую культуру и демократию от полного разрушения неудержимым стремлением гитлеровской Германии к мировому господству.

Исполком обращает внимание на вытекающую из ст. 11-ой Ковенанта Лиги Наций обязанность государств, входящих в Л. Н., предложить меры для охранения мира в Европе. Для этой цели следует созвать Совет Лиги Наций как можно скорее.

ПОМНИТЕ О СТРАШНОЙ НУЖДЕ ССЫЛЬНЫХ И ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Испания.

Исполком РСИ подтверждает все до сих пор принятые им постановления по вопросу об испанской республике, сохранение которой представляет собой решительную необходимость для демократии и свободы во всем мире, и конечная победа которой нанесет международному фашизму гигантский удар.

Все более обостряющиеся нападения Германии и Италии все повелительнее налагают на социалистические партии обязанность добиваться — при помощи необходимого давления — от демократических правительств и в особенности от правительств Англии и Франции отказа от той политики, которую они вели до сих пор, и которая, в разрез с очевидными интересами демократических народов Запада, фактически вредила испанской демократии и содействовала мятежникам.

Принимая во внимание последнее заседание так наз. «Комитета невмешательства», РСИ поручает примыкающим партиям, в особенности французской и английской, напрячь все свои силы, чтобы не допустить признания за мятежниками **права воюющей стороны** и восстановления международного контроля на пиренейской границе, что явилось бы односторонней, обманной и потому совершенно непереносимой мерой.

Этот контроль, против которого РСИ выступил по принципиальным соображениям с первого же дня, и который никогда серьезно не проводился против мятежников, был отменен на французской границе лишь очень поздно и то лишь под давлением народных масс и еще больше под давлением стратегических потребностей и собственной военной безопасности Франции. Если он будет восстановлен, то это будет носить характер скандальной несправедливости перед лицом той массивной помощи, которую фашистская Германия и Италия каждодневно оказывают своему вассалу Франко.

Такого рода мера в момент, когда достойное восхищения героическое сопротивление испанского народа наново укрепляется, явилось бы настоящим предательством по отношению к испанской республике, способствовать победе которой РСИ стремится более, чем когда-либо всеми средствами, которые потребуются условиями и обстоятельствами войны, вызванной и проводимой интернациональным фашизмом.

Новая волна анти-еврейских преследований.

Победа Гитлера в Центральной Европе вызвала новую волну шовинизма и антисемитизма. «Нюрнбергские законы» были распространены на Австрию, и эпидемия самоубийств среди еврейского населения Австрии является потрясающим доказательством тех моральных и физических мук, которым это население подвергается. Румынская реакция получила новый источник воодушевления в своей истребительной политике против национальных меньшинств, в первую очередь против евреев. Венгрия начала вводить у себя исключительные законы против евреев. В Польше так наз. «Лагерь Национального Об'единения», который занял место «Беспартийного Блока за сотрудничание с правительством» выработал программу, которая превращает 3 с половиной милл. польских евреев в «нежелательных иностранцев».

Снова подтвердилось, что наростание фашизма означает победу варварства и что борьба против человеконенавистничества и одичания может вестись лишь при помощи неустанной и всесторонней борьбы против фашизма.

Интернационал заявляет свой самый резкий протест против новых антиеврейских преследований и об'являет обязанностью рабочих партий **оказывать поддержку угнетаемым еврейским массам** в их борьбе за **полное равноправие** в тех странах, в которых они живут, и рассматривать эту борьбу, как **часть общей борьбы против фашизма.**

ТОВАРИЩ,
ПРОЧИТАВ, ПЕРЕДАЙ ДРУГОМУ

ЗАГРАНИЦЕЙ

ФРАНЦУЗСКИЕ СОЦИАЛИСТЫ ЗА ПРАВО УБЕЖИЩА.

Делегация французских товарищей, возглавленная Поль Фором и состоявшая из тт. Рауля Эврара, Андрэ Блюмеля, Эдуарда Депре, Жана Сикара, Дарсель Ливиан и Магделэн Паз посетила министра внутренних дел, Альбера Сарро, чтобы довести до его сведения о том волнении, которое вызвано было и в эмигрантских кругах, и во всей социалистической партии декретом-законом 14 мая 1938 года, регулирующим условия пребывания иностранцев во Франции.

Делегация требовала:

1. продления ограниченного ныне 31 мая срока для урегулирования положения иностранцев, документы которых не отвечают требованиям французских законов;

2. благожелательного рассмотрения дел таких иностранцев;

3. обещания не тревожить иностранцев, дела которых находятся на рассмотрении властей;

4. права для всех иностранцев без исключения быть выслушанными уполномоченным префекта ;

5. учреждения при министре особой комиссии для расследования спорных случаев, с сохранением за министром права по своему усмотрению разрешать эти случаи;

6. максимальной гуманности при решении вопросов, касающихся апатридов, особенно вопроса об их пребывании во Франции.

Министр обещал обсудить каждое из этих требований в духе великодушных традиций Франции, которая должна остаться страною убежища, какою, к своей чести, она всегда была.

С своей стороны, в защиту права убежища решительно выступили и профессиональные союзы, и Лига Прав Человека.

ПРИВЕТСТВИЯ ЗД РСДРП ФРАНЦУЗСКИМ И ЧЕШСКИМ СОЦИАЛИСТАМ.

Загран. Дел. РСДРП отправила, за подписями Ф. Дана и Р. Абрамовича, поздравительные телеграммы к юбилейному с'езду **чешской с.-д. партии** в Праге, превратившемуся в грандиозную международную демонстрацию в защиту чешской республики и к с'езду **Французской Соц. Партии** в Руаяне.

ИЗ ПАРТИИ

60-ЛЕТИЕ Л. О. ЦЕДЕРБАУМ-ДАН.

3-го июня тов. Лидии Осиповне Дан исполнилось 60 лет. Этот личный юбилей почти совпал с другим — партийным: 40-летием пребывания Л. О. в рядах российской социалдемократии. Юной студенткой Л. О. вступила в середине 90-х годов в первые с.-д. кружки в Петербурге, под руководством своего брата Ю. О. Мартова, и с тех пор в течение 40 слишком лет, через тюрьмы, ссылку, изгнание, не колеблясь и не отступая и в самые трудные минуты, несет знамя социалдемократии.

Л. О. мало и редко пишет, почти никогда не выступает публично. Тем не менее она всегда активно участвовала в жизни партии и вносила свою особую, углубляющую ноту при обсуждении политических проблем в более узком кругу. Ее перу принадлежал, изданный в 1900 г., русский перевод знаменитых «Предпосылок социализма» Бернштейна, сыгравших

столь значительную роль в историческом споре между «ортодоксами» и «ревизионистами» на пороге 20-го века.

Но и в «Соц. Вест.» за годы его существования немало материала, составленного Л. О., хотя ею никогда не подписанного. В 1928 г., после от'езда Евы Льв. Бройдо в Россию, Л. О. входит, как представительница нашей партии, в Международный Женский Комитет при РСИ, и состоит его членом до настоящего времени. Одновременно она является одной из самых деятельных и энергичных руководительниц Полит. Красного Креста сначала в Берлине, потом в Париже, и дело помощи заключенным и ссыльным товарищам в России очень многим ей обязано.

*
**

На заседании Парижского Клуба имени Ю. О. Мартова от 2-го июня 60-летие Л. О. было ознаменовано в крайне теплой и товарищеской обстановке. Приветственную речь от имени Загр. Дел. РСДРП, редакции и сотрудников «С. В.» и правления Клуба произнес тов. Р. Абрамович, который, обрисовав политическую биографию юбилярши, в прочувствованных словах остановился на той роли, которую Л. О., своим бодрым оптимизмом, своей сердечностью и отзывчивым вниманием ко всем горестям и заботам товарищей, играет в среде меньшевистской колонии за 16 лет эмиграции. От имени всех присутствующих Л. О. был поднесен адрес и букет цветов и собрание устроило Л. О. овацию, за которую юбилярша благодарила в растроганной речи.

От редакции. — Набор настоящего номера был уже закончен ко времени получения полных материалов о французском и чехословацком с'ездах. Редакция вернется к этим с'ездам в следующем номере.

ИЗДАНИЯ, ПОСТУПИВШИЕ В РЕДАКЦИЮ.

Голос Отечества, № 3.
La Révolution Prolétarienne, N° 271.
Max Werner. Der Aufmarsch zum zweiten Weltkrieg. 1938. Sebastian-Brant Verlag, Strasbourg. S. 356.
Independent News, N° 39, 40.
Der Sozialistische Kampf. Erscheint vierzehntäglich. Schriftleitung: Otto Bauer. N° 1. Paris 9°. 20, av. Trudaine. Prix: 4 francs.
Nouveaux Cahiers, N° 26.

Le Gérant Paul Colliette

Imp. Union, 13, rue Méchain, Paris.